

Закатное зарево пробивалось сквозь оконные стекла, наполняя класс мягким светом. Линь Шэнь, озаренный лучами, казался писанным красавцем, а на его губах играла яркая, задиристая улыбка.

Такой юноша — ослепительный, живой — словно был обречен приковывать к себе взгляды и вызывать симпатию у многих.

Но Линь Исину хотелось присвоить Линь Шэня себе.

И не показывать его никому, кроме себя.

После уроков Линь Шэнь закинул рюкзак на плечи и вышел из класса. Он шел один, напевая себе под нос какую-то мелодию.

Заходящее солнце окрасило небо в кроваво-красный цвет. Когда Линь Шэнь подошел к школьным воротам, к нему подбежал щуплый паренек, густо краснея.

Линь Исин, прятаясь в тени, смотрел на это с ледяным, пугающим спокойствием: от этого тщедушного мальчишки он учуял запах себе подобного.

Так и есть. Он увидел, как паренек протянул Линь Шэню билет в кино, что-то тихо бормоча.

Линь Исин стоял в полумраке, не сводя с них холодного взгляда, но в то же время смутно ожидая реакции Линь Шэня.

Как он поведет себя, узнав, что нравится парню?

Первым выражением лица Линь Шэня было недоумение, переходящее в брезгливость.

Такое брезгливое, полное отторжения выражение.

Затем, с окаменевшим лицом, Линь Шэнь развернулся и зашагал прочь, явно не желая слушать пустую болтовню.

Линь Исин сделал несколько шагов вперед, стараясь расслышать их разговор.

— Линь Шэнь, ты даже шанса мне не дашь? — голос паренька, тонкий и жалобный, словно у девушки, дрожал от обиды.

Линь Шэнь обернулся и зыркнул на того, кто не давал ему прохода:

— Ты охренел? Я же сказал, что не пойду!

— Подумай еще раз, пожалуйста, я... я могу для тебя многое сделать... — паренек внезапно шагнул вперед, пытаясь ухватить Линь Шэня за руку.

Тот мгновенно отпрянул и с таким пугающе ледяным взглядом окинул парня, что тот замер.

— Еще раз пристанешь — я сам руки распушу, — отрезал Линь Шэнь.

Его голос был холоднее полярных льдов; казалось, даже кровь в жилах Линь Исина от этого заледенела.

Паренек застыл на месте, готовый разрыдаться.

Линь Шэнь раздраженно махнул рукой:

— Вали отсюда и больше ко мне не лезь.

Только он это произнес, как всё его тело вдруг напряглось — невесть откуда взявшаяся острая интуиция заставила его поднять голову. Он увидел в тени неподалеку Линь Исина.

Что он тут делает?

Паренек в слезах убежал. Разоблаченный Линь Исин, не меняясь в лице, подошел ближе и небрежно бросил:

— Иду за тобой, чтобы проводить домой.

Линь Шэнь усмехнулся:

— Ты чего, с ума сошел? Мне скоро семнадцать, неужели я сам дойти не могу?

Совсем ему заняться нечем, что ли.

— Мне всё равно делать было нечего, вот и решил встретить.

— А, ясно, — равнодушно отозвался Линь Шэнь.

Линь Исин смотрел на лицо Линь Шэня, в котором не было ни капли радости — словно его появление не значило ровным счетом ничего. Внутри у Исина вспыхнул необъяснимый гнев.

Но он знал свой нрав: перед Линь Шэнем эта злость не имела ни смысла, ни значения.

— Я зашел в твой класс, но уроки уже закончились, пришлось идти сюда, чтобы найти тебя.

Линь Исин сам не понимал, зачем оправдывается.

Может, потому, что отношение Линь Шэня к тому парню подсознательно дало ему понять: лучше бы Линь Шэню никогда не узнать о его чувствах.

Линь Шэнь продолжал идти вперед:

— Понятно.

— Шэнь-Шэнь, ты не в духе? — осторожно спросил Линь Исин.

— Я не в духе не из-за тебя, — Линь Шэнь говорил с легкой колкостью. — Знаешь, зачем этот паренек ко мне приставал?

Линь Исин покачал головой.

— Звал в кино. Ха, в кино, размечтался.

Линь Шэнь продолжил с явным отвращением:

— Я ему отказал, а он начал реветь, как девка. Противно до ужаса.

— Еще и говорит, что я ему нравлюсь, — Линь Шэнь хмыкнул. — Я что, так похож на гея?

Это же прямое оскорбление!

Линь Исин смотрел на раздраженного Линь Шэня, стараясь подавить тревогу в голосе, и тихо спросил:

— Тебе это так противно?

Линь Шэнь даже не задумывался:

— Еще бы! Какой нормальный мужчина может такое любить?

— Ты... дискриминируешь? — Линь Исин подобрал едва ли не единственное подходящее слово, чтобы прощупать отношение брата.

Линь Шэнь нахмурился:

— Не то чтобы.

Линь Исин выдохнул, чувствуя, как кровь снова начала циркулировать в венах.

— Если это касается других — плевать, их дело, пусть хоть на ушах стоят.

— Но если это касается меня... ответ один: тошнотворно!

Линь Исин оцепенел.

Лишь через пару секунд он осознал, как сердце пронзила острая боль — такая, что дыхание перехватило.

Линь Шэнь смотрел на багровое солнце и рассуждал сам с собой:

— Настроение было отличное, а тут этот чертов гей всё испортил.

Линь Исин стоял рядом, чувствуя, будто кто-то изо всех сил сжимает его горло — от боли он не мог вымолвить ни слова.

Линь Шэнь опустил голову и пнул камешек на дороге, ворчливо спросил:

— Такой простой и очевидный вопрос, а ты еще спрашиваешь?

Ха, неужели он выглядит как гей?

Линь Исин с трудом переставлял ноги, следуя за Линь Шэнем, на лице его застыла мертвая тишина.

— А тебе разве не противно? — приподняв бровь, спросил Линь Шэнь.

Линь Исин ответил:

— Да, противно.

Линь Шэнь приобнял его за плечи:

— Брат, глянь, я ведь подрос, теперь всего на голову ниже тебя.

— Да, верно, — тихо ответил Линь Исин. — Шэнь-Шэнь повзрослел.

— Еще бы, на следующей неделе мне уже семнадцать, — Линь Шэнь продолжал обнимать его за плечи. — Я хочу устроить вечеринку в честь дня рождения в Summer, придешь?

Линь Исин помолчал:

— Посмотрим по обстоятельствам.

— Ну ладно. Мы же с тобой братья, чего церемониться, придешь или нет — неважно.

— Угу...

Придешь или нет — неважно.

Линь Исин внезапно улыбнулся, и в теплых лучах заката эта улыбка казалась почти мягкой — выражение, которое вряд ли могло появиться на его лице.

— Я хочу еще немного погулять по школе, иди домой один.

Впервые за все эти годы у него возникло желание сбежать от Линь Шэня.

Он боялся, что больше не выдержит, что маска вот-вот упадет.

На какой-то миг ему даже показалось, что он сейчас разрыдается.

Линь Шэнь не придавал этому значения:

— Ну ладно, раз ты не в настроении, гуляй. Я пошел.

Сказав это, он зашагал к перекрестку.

Линь Исин обернулся, и в его глазах заблестели слезы.

К счастью, Линь Шэнь ушел, не оглядываясь.

К счастью, Линь Шэнь все эти годы никогда не смотрел на него внимательно и пристально.

Иначе правда бы давно вскрылась.

Линь Исин словно неприкаянный дух побрел на школьный стадион. Глядя на кроваво-красный закат, он вспомнил тот день в приюте.

Знал бы он тогда, что не надо было идти домой вслед за Линь Шэнем.

У школьного пруда он увидел прыгающую лягушку. Подойдя ближе, он вытащил из-за пазухи скальпель.

Присев на корточки, он разрезал брюшко лягушки по средней линии и развел кожу в стороны, обнажая внутренности.

Сердце еще билось. Линь Исин с силой вонзил скальпель в него — точно так же, как Линь Шэнь без колебаний вонзил нож в его собственное сердце.

В кровавом месиве зрение Линь Исина затуманилось.

Хорошо бы, если бы и его сердце можно было так же просто разрезать ножом.

Но он не мог вырвать это из сердца.

Всю следующую неделю мысли Линь Исина были в хаосе, он бродил словно тень.

Слова Линь Шэня не выходили у него из головы.

Если это касается других — плевать, их дело.

Но если это касается меня... ответ один: тошнотворно!

Чертов гей всё испортил.

Придешь или нет — неважно.

...

Каждое слово — как удар кинжалом.

В день рождения Линь Шэня Линь Исин вызвался остаться в школьной лаборатории, чтобы помочь учителю с анатомическим заданием.

Он не мог видеть Линь Шэня.

Сейчас ему было проще иметь дело с животными, которые не могут сопротивляться и покорно ждут смерти, наблюдая, как их медленно расчлениают.

Учитель, глядя на его рассеянный вид, участливо спросил:

— Линь, у тебя какой-то подавленный вид, всё в порядке?

— Может, с девушкой поссорился?

Линь Исин плотно сжал губы, промолчал.

Он мельком взглянул на часы: восемь вечера. Линь Шэнь наверняка сейчас веселится, он — главная звезда вечера, может, даже кто-то из девчонок признается ему в любви...

Голова Линь Исина находилась рядом с унитазом, он лежал на полу, верхняя одежда промокла, волосы липли ко лбу.

Вода стекала тонкими струйками по полу.

Среди этого хаоса глаза Линь Исина казались бездонными, как глубокий омут, в котором таилась густая, невыразимая любовь.

И примешивалась к ней едва уловимая... хрупкость.

Значит, все эти годы он притворялся.

Вот каким был настоящий взгляд Линь Исина, когда он смотрел на него.

За одну ночь они будто оказались по разные стороны пропасти.

Линь Шэнь перевел взгляд с глаз Линь Исина, и эмоции, которые он там увидел, вызвали у него отвращение и страх.

Не сказав ни слова, Линь Шэнь вышел из туалета.

Его спина была такой же уверенной, как всегда, но в ней появилась отчужденность, словно их разделяли миры.

Линь Исину потребовалось много времени, чтобы подняться с пола.

Было больно, невыносимо больно.

Но в этой боли странным образом рождалось чувство облегчения.

Наконец-то маска сорвана, наконец-то эти чувства увидели свет, наконец-то он может стоять перед Линь Шэнем и, не боясь ничего, обнять его.

Он сбежал из тюрьмы, в которой томился семь лет.

Пусть даже он весь в крови, но он свободен.

В кабинете.

— Дядя, тетя, вот что я нашла в комнате брата Линь Исина.

Хэ Жаньжань положила блокнот на широкий письменный стол. Черная обложка была в хорошем состоянии, но выглядела старой — видно, что вещь пользовались давно.

Чэнь Цинъюй, сидевшая рядом с Линь Ваньнанем, спокойно протянула руку и открыла блокнот.

Записи были короткими, по одной-две фразы.

Девятнадцатое июля, он привел меня домой.

Он любит сладкое, особенно шоколад.

У него выпал молочный зуб, я украдкой спрятал его.

Он лентяй, не любит писать сочинения.

Сегодня я убил рыбу, весь был в крови. Он испугался, но все равно подошел и обнял меня.

...

Хэ Жаньжань слишком близко с ним общается, я хочу, чтобы она исчезла.

Шэнь-Шэнь поранился, я думал, он будет меня ненавидеть, но нет. Он обнял меня и сказал, что раз уж подобрал меня, то не бросит.

Сегодня выпал снег, он ел печеный картофель на снегу.

У меня сегодня день рождения, он подарил мне игрушечную собаку. Шэнь-Шэнь, я полюбил тебя.

Сегодня смотрел аниме, хочу, чтобы у нас был свой дом.

Я устроил так, чтобы он опозорился на фестивале искусств, он был очень расстроен. Мне жаль, но я не жалею, потому что петь он должен только для меня одного.

Я хочу обладать им, хочу спрятать его ото всех.

...

Лицо Чэнь Цинъюй становилось все мрачнее, а Линь Ваньнань побелел от ярости.

— Жаньжань, почему ты зашла в комнату Исина? — спросила Чэнь Цинъюй, глядя на девушку.

— Потому что я с детства люблю Линь Шэня, — прямо ответила Хэ Жаньжань. — Я догадывалась о чувствах брата Исина к нему, поэтому пробралась в его комнату, чтобы найти доказательства.

Она слегка склонила голову:

— Вот они.

— Проникновение в чужой дом, кража личных вещей — я признаю свою вину, — искренне сказала Хэ Жаньжань. — Моя мама уже подала заявление об увольнении, через пару дней мы покинем дом семьи Линь.

Она поклонилась, ее голос звучал взволнованно:

— Спасибо вам, дядя и тетя, за то, что столько лет заботились о нас, мы будем помнить это всю жизнь.

— И больше всего спасибо за то, что у вас такой замечательный сын, который столько лет был для меня стимулом становиться лучше.

Хэ Жаньжань подняла голову, в ее глазах стояли слезы, но на губах была улыбка:

— Я поступила в университет Х, надеюсь, однажды смогу встать рядом с Линь Шэнем и стать той невесткой, которую вы хотели бы видеть.

Прямота Хэ Жаньжань заставила Чэнь Цинъюй на мгновение замереть. Она смотрела на эту расцветающую девушку:

— Жаньжань, твое упорство и старания все эти годы я видела.

Умная, трудолюбивая, красивая, понимающая.

— Но чувства — дело двоих. Если Шэнь-Шэнь полюбит тебя, мы будем только рады видеть тебя нашей невесткой.

Чэнь Цинъюй устало улыбнулась:

— Иди, нам с твоим дядей нужно обсудить их дела.

Узнать такое внезапно — это было невыносимо.

Хэ Жаньжань вышла, а Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй долго молчали.

— Муж, что ты думаешь?

— Даже думать не хочу!

Линь Ваньнань покраснел от гнева и с отвращением отбросил блокнот:

— Это же двое мужчин, к тому же братья! Что за ерунда!

Чэнь Цинъюй закрыла блокнот и пробормотала:

— Неудивительно, что Исин решил учиться в нашем городе, неудивительно, что он не живет в общегитии...

Линь Ваньнань немного остыл:

— А что насчет Шэнь-Шэня? Пока они еще не перешли черту, есть шанс все исправить.

Через секунду он сменил тон:

— Нет! Даже если перешли, я заставлю их расстаться!

Жизнь настолько тяжела, что это понимаешь только с возрастом.

Этот путь слишком труден.

Даже обычным мужчине и женщине трудно прийти к счастливому финалу, на их пути столько преград. А что уж говорить о гомосексуалах? Наверное, придется вытерпеть людское осуждение, вырвать сердце, быть раздавленным жизнью, чтобы хоть как-то найти выход.

— Не думаю! Я пару дней назад видела, как Шэнь-Шэнь ухаживал за девушкой. Да и характер у него прямой, если бы что-то было, он бы не скрыл.

В гостиной работал телевизор, показывая рекламу за рекламой — от косметики до бытовой техники и лекарств.

Звучало шумно.

Но атмосфера была ледяной.

Линь Исин сидел на диване, напротив него — Линь Ваньнань и Чэнь Цинъюй.

— Шэнь-Шэнь только что звонил маме, сказал, что не придет домой пару дней, останется у друга.

Чэнь Цинъюй взглянула на синяки на лице Исина, догадываясь, что разрыв между ними произошел именно из-за того, что правда вышла наружу.

Линь Исин, услышав это, почувствовал, как онемевшее сердце пронзила боль, но, как всегда, промолчал.

— Это я нашла в твоей комнате пару дней назад, — Чэнь Цинъюй протянула ему черный блокнот. — Береги его, и лучше, чтобы никто больше о нем не знал.

Подтекст был ясен: спрячь эти чувства, не дай им разрушить будущее обоих.

— Блокнот старый, выбрось его. В магазинах полно новых, красивых, выбери себе другой.

Линь Исин смотрел на блокнот, застыв, как статуя.

— Мы с отцом купили тебе небольшой домик рядом с университетом, там тебе будет удобнее. Можешь собирать вещи и переезжать.

— И вот, на этой карте пятьсот тысяч. Как закончатся — звони, мы еще переведем.

Линь Исин неотрывно смотрел на банковскую карту, словно окаменев, не в силах пошевелиться.

— Исин, ты уже взрослый, веди себя разумно.

Он по-прежнему опускал голову, длинные ресницы скрывали глаза, и только тонкие губы слегка дрожали.

Прошло полминуты, он так и не взял карту.

Он сопротивлялся — безмолвно сопротивлялся.

Чэнь Цинъюй вложила карту ему в руку.

— Сяо Ци, возьми карту.

Сяо Ци — так его звали в приюте.

— Сяо Ци, возьми карту.

Сяо Ци — так его звали в приюте.

Линь Исин сжал банковскую карту, его побелевшие пальцы дрожали, словно он вложил в это все силы.

Он долго сидел на диване, не двигаясь, а когда встал, его лицо было мертвенно-бледным, а глаза — пустыми.

Одинокая, скорбная фигура юноши, Линь Исин с одеревеневшими конечностями побрел наверх, словно марионетка на невидимых нитях или живой мертвец.

Поднявшись на второй этаж, он хотел открыть дверь в комнату Линь Шэня, но она была закрыта.

Дверь, которая девять лет никогда не запиралась, теперь холодно отрезала его от Линь Шэня.

Как робот, Линь Исин развернулся, открыл дверь в свою комнату и вошел, ступая бесшумно, как призрак.

Он положил блокнот на самое дно чемодана, сверху накрыл его двумя комплектами одежды, а

рядом поставил маленькую коробочку.

В ней лежал молочный зуб Линь Шэня, давно просроченная шоколадка, которую тот ему дал, прядь волос Линь Шэня, красный галстук, который тот носил в начальной школе...

Всякий хлам, нелепые вещи.

Даже смешно становится.

Какой же он идиот, какой извращенец.

Линь Исин, таща легкий чемодан, молча вышел из виллы и поймал такси.

И уехал из дома, который приютил его много лет назад.

Следующие несколько дней он жил механически, словно во сне. Вставал, ел, ходил на занятия, ел, спал...

Через несколько дней его накрыла тоска, пожирающая изнутри.

Он был подобен наркоману, у которого отняли его наркотик по имени Линь Шэнь: тело ныло от боли, не было ни капли сил.

Словно человек, тонущий в воде, он пытался бороться, но тщетно. Ничто не могло удержать его на плаву.

Кроме смерти.

Его раздутое тело всплывет на поверхность.

Однажды его прибьет к берегу, и солнце будет нещадно палить по труп. В воздухе будет стоять омерзительная вонь, будут жужжать мухи, а в гниющем теле будут копошиться черви...

<http://bllate.org/book/21630/2231716>